

**«ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» Н.Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО
(ОЧЕРКИ «В СУТОЛОКЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ»)**

Статья посвящена анализу самарского цикла очерков Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолоке провинциальной жизни», рассмотрению функционирования пространственных и смысловых доминант (важных семантических концептов), определяющих построение «локального текста».

Ключевые слова: «провинциальный текст», город, Хлебная площадь, голод, губернское общество, театр, сон, железная дорога, круг.

В последнее время обращение к «провинциальному» стало знаком перестройки структурно-ценностных отношений «столица – провинция» («центр – периферия») и связано с выражением чувства региональной самобытности и самодостаточности, с необходимостью осмысления проблем «провинциальной самоидентичности».

Историческое функционирование слова «провинция» закрепило за ним прямо противоположные представления: «провинциальное» оказывается синонимом а) чистоты, выражением сущностных ценностей (не случайно возникает мысль о провинции, которая спасет Россию); б) дикости и душевной тупости.

В современных исследованиях актуализируются не столько оценочные подходы, сколько культурно-типологические: они направлены на выявление системных и парадигматических отношений, формирующих ценностное пространство «провинциального текста», на осмысление базовых символов сознания и архетипических представлений отдельного культурного локуса. Провинция трактуется как участок семиосферы и описывается как локальный текст. М.В. Строганов определяет локальный текст как текст о некоторой определенной местности, имеющий общее, не местное значение, либо текст, обслуживающий только определенную местность и практически не актуальный за ее пределами [4]. В.В. Абашев, исследуя локальный текст, указывает на следующие его особенности: локальный текст оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания; его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации [1, с. 11]. Поэтому, по мысли ученого, осознанное отношение к месту жизни становится актуальной задачей духовного творчества, особенно в современной России, пережившей крах символических структур советского геопространства. Провинция может осознавать свою инаковость как ценность и даже противопоставлять себя столице, но субъектом противопоставления обычно оказывается не все нестоличное пространство целиком, а лишь отдельные его части – регионы.

Многоаспектность и сложность рассматриваемого «локального явления» не позволяют говорить, что процесс по изучению и описанию культуры отдельных регионов уже завершен, в частности, Самарского региона. В связи с этим актуальной задачей

* © Жесткова А.В., 2011

Жесткова Анастасия Владимировна (nastja321@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

является осмысление механизмов и способов порождения Самары как локального текста, определение дискретных доминантных «смысловых точек», скрепляющих текстовое пространство в единство. Определение доминирующей «смысловой точки» наполняет историческое существование некоего локуса цепочкой символизации, результаты которой закрепляются в фольклоре, топонимике, исторических повествованиях, в широком многообразии речевых жанров, повествующих об этом месте, и, наконец, в художественной литературе. В процессе символической репрезентации места формируется более или менее устойчивая сетка семантических констант [3]. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций [1, с. 11].

Таким способом формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему.

В восприятии Н.Г. Гарина-Михайловского город предстает как объединение многих пластов культуры, соединяющих в себе духовность различных слоёв общества с экономической культурой, описанием быта, интерьера, среды, труда. Выстраивая текст города, писатель обращает внимание на конечность и замкнутость пространства города. Город, извлекая из своих глубин отжившие остатки ушедших времен, сопротивляется новому.

Центр и периферия в провинции. Н.Г. Гарин-Михайловский подмечает резкое противопоставление городского дворянства сельскому. Город мнит себя столицей, центром культуры, который не имеет ничего общего с приезжими откуда-то, кроме названия «дворянство». В данном случае отношения губернского города и периферии принимают примерно такой же характер, как отношения провинциального города и столицы. Только в очерках Н.Г.Гарина губернский город выступает своеобразным двойником столицы, пытается примерить на себя ее облик. Поэтому и провинциальные дворяне, как и дворяне губернского города, пытаются быть ближе к столице: «Заскорлузые деревенские медведи мало-помалу выползали из своих деревенских: шкур: умывались, стриглись, брились и преобразовывались кое-как в городских, правда, с довольно помятыми платьями интеллигентов. Но в их номерах по-прежнему царил характерный запах от всех этих дох, полушубков и душегреек, грязного белья, от недоодеанных индейки в дорожной корзине...» [2, с. 294].

Выборы, частная и общественная жизнь. Знаковым элементом в построении текста города становятся выборы. Выборы «открывают» границы города, «встряхиывают» его. Появляется движение, возникает какой-то интерес к жизни, к деятельности. Выборы как дань традициям вызывает смех, уныние и чувство жалости, ибо всё говорит об упадке, об отжившем прошлом, которое многие в городе пытаются удержать. Поэтому не случайно при описании выборов автор нагнетает слова, связанные с «разложением» этих традиций: «толпы», «разоренный», «малограмотный», «грубый», «ничтожный», «худший», «разорившийся».

Точка зрения героя-рассказчика на выборы и на их участников двояка. С одной стороны, настоящее, пытающееся соответствовать нормам и устоям прошлого, вызывает насмешку, с другой — жалость и тоску по прошлому. Настоящие выборы — это пародия на выборы прошлого. Это попытка затормозить время, стремление сделать вид, что все идет по-старому.

Еще одним важным компонентом, формирующим текст города, является соотношение частной и общественной жизни. Частная жизнь здесь подчиняется общественным традициям, канонам. «Городской человек» — человек инициативы, а «человек деревни» — носитель устоев.

Театр. Одним из значимых маркеров пространства провинциального города в очерках Н.Г. Гарина является театр. Автор пишет:

«Один фотограф, у которого я снимался, живой и интересный хохол, встретив как-то, спросил меня:

- Вы сегодня вечером что делаете?
- В театре» [2, с. 313].

Роль театра в жизни провинциального русского города XIX – начала XX века исключительна. Едва ли не самым важным в семантическом ряду «театр – провинция» оказывается то, что сама провинция осмысливается (во всяком случае, в рамках русской культуры) через театр. Если посмотреть, в каком контексте употребляются в русской литературе слова «провинция», «провинциал», «провинциальный», то окажется, что едва ли не в половине случаев этот контекст связан с театром.

Газета. Текст города в очерках Н.Г. Гарина характеризуется противоречивым разобщением идеологических голосов. Ареной, на которой происходило разделение идеологических голосов, была газета.

В очерках происходит несколько упоминаний газеты и журналистского дела. В первых, это фигура Бориса Петровича Старкова, который устроил свою газету и часто подвергался критике за то, что газета не была либеральной. Жизненной позицией Старкова были слова: «Необходимо прежде всего быть честным общественным деятелем, а остальное все приложится» [2, с. 429]; «Ведь у нас застой, полное незнание самих себя, своих сил...Мировые вопросы там решаем, знаем, что делается на конце света, а что делается у нас под носом, в своем уезде, не знаем, и знать не хотим, и не интересуемся» [2, с. 299–300]. Старков, сам того не подозревая, дает достаточно верное определение пространству губернского общества – застой, отсутствие прогресса, полная остановка развития в общественной жизни и культуре.

Другой образ – образ корреспондента, выходца из крестьян, писавший в честную уездную газету. С ним автор познакомился на вечере у доктора Колпина: «Он самоучка, любит историю, большой идеалист, не оставляя хозяйство, читает, пишет в газетах, механик – самоучка – изобрел велосипед, между прочим. Сын у него полагает большие надежды: литературный талант» [2, с. 386]. Темы его газетных публикаций – пьянство, разврат, нужда. Герой близок автору, так как последний познакомился с ним не как с помещиком, «а как с писателем, своим человеком в некотором роде, которому полезно раскрывать карты» [2, с. 386].

Для героя провинциальная газета обладает той свободой, которая обусловлена удаленностью от центра. Здесь человеческая мысль ближе к земле, к практике человеческого труда, поэтому неслучайно возникает на страницах очерков образ Галченко: «Он пришел пешком, молодой, высокий, худой, до крайности оборванный» [2, с. 416]. Он написал очерк в местной газете «Типы современной деревни», в котором описал помещика, названного автором «оригиналом», естественно, с иронией. Этот помещик «выстроил... себе пароход, который должен был ходить по льду, но не ходил; мельницу, которая не молола; держал громадную дворню, часть которой составляла конную стражу, одетую в старинные костюмы» [2, с. 419].

Торговая площадь и голод. Непременный атрибут любого города – торговая площадь. Это «лобное место», где происходят важнейшие события, своеобразный нерв, обеспечивающий функционирование города как живой субстанции. Функцию такой площади в Самаре у Н.Г. Гарина выполняет Хлебная площадь. Однако писатель сопрягает функциональную жизненность главной площади с голодом, постигшим Самару. В голодное время Хлебная площадь возникает как символ прежнего благополучия и начала сегодняшних непреодолимых бед: «Они и раньше знали этот город, когда в хорошие годы возили, бывало, сюда свой хлеб на продажу. Две-три тысячи подвод тогда изо дня в день выезжали на хлебную площадь, и с утра до вечера у конторок хлебных торговцев стояла толпа, ожидая очереди расчета, вернее, обсчета,

потому что у редкого все сходило благополучно: того в весе обманут, того в качестве» [2, с. 335]. Хлебная площадь как пространство несправедливости, которое отняло у крестьян большую часть хлеба, столь нужную сейчас: «Воротить обманом отнятое — одного бы этого хватило на теперешний голодный год» [2, с. 335]. Но крестьяне мирятся с несправедливостью, воспринимают обман торговцев как такое же неизбежное стихийное бедствие, как и неурожайный год. Жизнь их, как замкнутый круг, из которого нельзя вырваться: «И опять отдадут свой хлеб крестьяне, не везти же его назад... И сами же с отчаянием и смертью в душе идут в этот город» [2, с. 335].

Голод 1891 года — еще одна устойчивая доминанта, которую использует в своих очерках Гарин. Это синоним смерти, пустоты, отчаяния. Но неожиданно голод становится тем фактором, который объединяет пространство города и деревни. Голод не знает границ. Он проникает всюду: «Пустотой веяло от губернского города» [2, с. 334]. В Князевке тоже был голод: «Тем ужаснее было то, что я увидел в Князевке. Забыть этого нельзя. Стоит закрыть глаза — и я теперь вижу и этот хлеб из мякины, и эти изможденные голодом тускло прозрачные лица, громадные глаза всех этих брошенных людей» [2, с. 343].

Сон и железная дорога как символы статики и динамики. Особую роль в характеристике Гариним пространства города играет образ сна. Сон — состояние статики, в котором находится пространство губернского города и к которому принадлежит общество. «И сон тяжелый, кошмарный, со всей копотью и дымом этих заседаний...» [2, с. 471]. Сон, сонное состояние — это граница, отделяющая город от движения к будущему, от стремления к чему-то новому, к «прогрессу жизни». Сон — это семантический символ, по своему значению противоположный железной дороге, застывшая точка в пространстве и времени, в которой находится провинциальный город. Но сон — это еще и синоним скуки как эквивалента тягостного душевного состояния от безделья и отсутствия настоящего интереса к происходящему.

Важным концептообразующим фактором в формировании мировоззренческой картины автора является образ круга, имеющий разное смысловое значение в характеристике пространства города:

1. Группа людей, объединенных общностью интересов, привычками, жизнью (пассажиры поезда, едущие в первом классе). Здесь круг символизирует замкнутое пространство людей, живущих обособленно и не стремящихся выйти за его пределы. Это, например, пассажиры поезда, в котором едет герой: «По расписанию дня это время назначено для газеты и надо прочесть ее всю, хотя бы для того, чтобы знать все и потом с одного слова понимать, о чем пойдет в своем кружке речь» [2, с. 474].

2. Круговая беседа: «Давайте, господа, — предложил Абрамсон, — круговую беседу» [2, с. 433].

Здесь главным становится внутренняя, душевная общность людей, которые передают свои мысли и переживания друг другу, ничего не утаивая, по кругу. Они становятся единым целым в своих чувствах, единым организмом. Поэтому круговая беседа — объединяющее начало, связывающее воедино все внутренние пространства участников в одно.

3. Циклическое время деревни, органично вписывающееся в пространство круга: «Надо знать неподвижность деревни, отсутствие всякого представления здесь о времени, чтобы оценить энергию, нужную для того, чтобы вызвать такую кипучую жизнь» [2, с. 407]. Все, что здесь происходит, течет по кругу.

Замкнутое пространство круга, в котором из века в век ничего не меняется, все повторяется, с точки зрения автора, можно изменить. И таким разрушающим, но вместе с тем и созидющим началом становится железная дорога.

Точка зрения автора на само строительство железной дороги — это точка зрения профессионала, инженера-путейца.

В «Очерках» сам образ железной дороги складывается из различных мнений, слухов и точек зрения на строительство железной дороги: «Одни, недоумевая, разводили руками, другие с пеной у рта ругались, третьи смеялись, называли меня узкоколейником, но все они заспорили, заговорили. И заговорили в том мире, который практически является решителем этих вопросов, – в мире крупного и мелкого петербургского чиновничества» [2, с. 457].

Для крестьян железная дорога стала чужеродным телом, вторгшимся в их привычное пространство жизни и вызвавшим распад многовекового уклада жизни.

В оценке значения дороги сыграло роль и субъективное мнение помещиков, руководствующихся стремлением извлечь выгоду из железной дороги и тем самым преодолеть замкнутость пространства, стать ближе к центру.

Железная дорога, проникающая в пространство провинции сначала как чужеродное тело, постепенно становится «манной небесной», мечтой, ключом для проникновения в другое пространство, пространство центра, к которому всегда пытается приблизиться провинция. «Все земства хотят и осознают необходимость железных дорог; просят; со всех сторон уполномоченные земств, как и мы, ездили, едут и будут и впредь ездить в Петербург хлопотать о манне небесной – о железных дорогах, и каждый для себя. Там, в передних министров, во фраках и во всех своих, бедных количеством регалиях буду они толпиться, обивать пороги, сперва верить, надеяться, пока не станут, наконец и, разочарованные, не воротятся домой, давая зарок: – И ездить не стоит, и тратиться не стоит» [2, с. 456].

Путь проникновения в это чужое пространство и пытается отыскать герой, чтобы сблизить периферию и центр.

Таким образом, очерки Н.Г. Гарина-Михайловского «В сутолке провинциальной жизни» можно рассматривать как совокупность семантических констант, знаковых доминант, осмысленных топонимически и определенным образом организованных. «Провинциальный текст» в очерках Н.Г. Гарина предстаёт и в этногеографическом, и в культурологическом аспектах, и в целом представляет собой хотя и дискретную – очерковую – систему знаков, но по своему значению, смыслу и символике создающую замкнутый единый образ Самары как одного из типичных провинциальных городов России.

Сам Н.Г. Гарин – творческая часть этого провинциального пространства. Его точка зрения на провинцию позитивна: обусловлена в большей степени не фактографией города, а мировоззрением самого писателя. Он видит в провинции определенный потенциал, возможность изменения провинциальной замкнутости, так как предпосылки для этих изменений существуют. Они скрыты в культуре, традициях, языке провинции. Но вместе с тем, именно традиции, слишком большая привязанность к прошлому, незнание и наивность тормозят расширение провинциального пространства. В связи с этим можно говорить о специфике границ «провинциального текста» Н.Г. Гарина-Михайловского. Если «городской текст», особенно, «петербургский», по утверждению В.Н. Топорова, «завершается», ограничивает себя эсхатологическим мотивом, ожиданием крушения культурного пространства [5, с. 295–296], то «провинциальный текст» Н.Г. Гарина-Михайловского «ограничивается», завершает себя перспективой, чаяниями и надеждой и тем самым по данным свойствам (уже не отличается, а удивительным образом) сближается со смыслами «здорового текста», устремленного «в новое пространство всевозрастающего смысла, который говорит о жизни и о спасении» [5, с. 281].

Библиографический список

1. Абашеев В. Пермь как текст. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.
2. Гарин-Михайловский Н.Г. В сутолоке провинциальной жизни // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 4. С. 286–506.
3. Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010.
4. Строганов М. А была ли провинция? Может, провинции и не было? URL: <http://www.strana-oz.ru/?article=1350&numid=32>.
5. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс: Культура, 1995.

*A.V. Zhestkova**

**THE PROVINCIAL TEXT OF N.G. GARIN- MIKHAILOVSKIY
(ESSAYS «IN THE HUSTLE OF THE COUNTRY LIFE»)**

The article is devoted to the analysis of the series of essays of N.G. Garin- Mikhailovskiy «In the Hustle of the Country Life»; investigation of the function of area and dimensional dominants (important semantic concepts), determinating the composition of the «local text».

Key words: «provincial text», town, Khlebnaya square, hunger, province society, theatre, dream, railway, circle.

* *Zhestkova Anastasia Vladimirovna* (nastja321@mail.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.